

Ж.С. Мусаэлян

**Из истории курдского племени *мукри*
(1-я половина XV — начало XX в.)**

Статья посвящена исследованию крупнейшего курдского племени Юго-Восточного Курдистана — *мукри*, территория расселения которого — Мукринский Курдистан — вдоль ирано-иракской границы на ее стыке с границей Турции. Родословная правителей *мукри* восходит к племени *мукрийе*, обитавшему в районе Шахризура, ранее входившему в шахризурскую группу *бабан*. Появившись в районе Соуджбулака (Мехабада), курды *мукри* вместе с племенем *бильбас* образовали в XV в. большую и мощную племенную федерацию, расширили занятую ими территорию и упрочили свое положение. В XVII–XVIII вв. вдоль границы Ирана и Османской империи возникло и просуществовало крупное полунезависимое феодальное владение «сердара *мукри*» с центром в Соуджбулаке. Рассматриваются структура племени и его лидеры, хозяйственный и общественный уклад, прослеживаются экономические и политические отношения, дается описание жилища, одежды, некоторые данные о фольклоре и литературе.

Ключевые слова: племя, союз племен, семейства, сердар, ханзаде, бекзаде.

Мукри, мокри — наиболее значительное курдское племя, область расселения которого — Мукринский Курдистан (Курдистане Мукриан) — расположена в Юго-Восточном Курдистане вдоль ирано-иракской границы у ее стыка с границей Турции (севернее расположения *горанов, кельхоров, сенджаби и баджилани*). С юга и с запада Мукринский Курдистан¹ непосредственно примыкает к основным курдским районам Ирака и Ирана, на северо-западе граничит с Турецким Курдистаном; лишь на северо-востоке и востоке с ним соприкасаются районы с некурдским, главным образом тюркоязычным населением. Племя *мукри* занимало также западную часть Иранского Азербайджана к юго-востоку от Маку (область обитания племени *джалали*) между Араратом, Харки Орамаром и Джуламерком — на востоке; р. Аракс, Котур в низовьях Хойя и оз. Урмия — на западе и к югу.

В XVIII–XIX вв. *мукри* обитали на большой территории к югу от оз. Урмия до Сенне (Арделана), включая Мериван, Ушну, Бокан, Сердешт, Саккыз, Бане, Солдуз²;

¹ В Мукринском Курдистане проживало также давно осевшее здесь племя *дебокри*, представлявшее собой, как писал В.П. Никитин, «вероятно, коренных жителей, покоренных мукри, пришедших позднее как завоеватели» (Никитин, 1964, с. 252).

² В старые времена Солдуз был, как и Ушну, несторианским епископством, но в начале XX в. христиан осталось мало (в Негеде и др.). Во время русско-персидской войны 1828 г. из Закавказья в Персию перешло племя карапахов, которому Аббас-Мирза отдал Солдуз. Карапахи явились в числе 800 семей и застали в Солдузе 4000–5000 семей курдов и тюрков (племени *мукаддани*). Постепенно земли перешли в руки шиитов карапахов и курды остались в 10 деревнях: Гылван, Балыхчи, Карна, Бейрам-буга, Алиава, Пейджик, Вазна, Кяризе, Джиртава и Копекли; лишь отчасти в начале XX в. они жили в дер. Чяине, Мамед-шах, Негеде, Бегюм-кала, Шейх-Ахмед, Маммиенд, Кяхризе и Тазекенд. В этот период всех курдов (*мамаш*, мукри и др. племена) насчитывалось до 2000 дворов.

на западе — равнина Лахиджан и далее — до Сулеймани, Киркука, Мардина, Диярбакыра, Эрзурума, Еревана и Ванского озера, занимая территорию в горном районе, отделенном озерами Ван и Урмия. На север от оз. Ван и Баязида до Маку, в каза Махмуди и Абага (санджак Хаккари), в водораздел рек Махмудие и Хошаб курды мукри переселились из Персии. Племя мукри обитало на северо-востоке от Мосула, на востоке и юго-востоке от Равандуза. Мукринский Курдистан лежит на торговом пути из Ирана в Ирак, что обуславливает его тесные экономические связи с Северо-Западным Ираном и Ираком. Столь же значительны его этнические, культурные и политические связи с соседними курдскими районами. На протяжении всей средневековой истории в этническом составе населения Мукринского Курдистана неоднократно происходили существенные изменения. В край последовательно вливались с запада и юго-запада курдские племена, а с востока — тюрко-монгольские. Они подчиняли себе существовавшее здесь ранее местное население, как оседлое, так и кочевое, частично вытесняли аборигенов за пределы края и образовывали более или менее независимые феодальные владения.

Оседлое племя мукри заселяло собственно Соуджбулак, или Мукринский Курдистан. Сюда относились округа: 1) окрестности Соуджбулака (Мехабада); 2) Шехриверан — между Соуджбулаком, Солдузом и оз. Урмия; 3) Ахтечи — по дороге из Соуджбулака в Миандоаб по р. Татаву; 4) Бехи — по дороге из Миандоаба и Соуджбулака в Саккыз; 5) Гоурук-Соуджбулакский — по самым верховьям р. Татаву и его двух более южных истоков (речка Кгалу). Этот район занимал юго-восточные отроги гор Куртак, отделяющие Бане от Мукри (перевал Кели-хан); 6) округ Каралар.

К началу XX в. в окрестностях Соуджбулака половина племени *мукри* (5000 семей или 30 000–35 000 человек) совершенно утратила родовое устройство и деление на племена и занималась земледелием, признавая власть правителя Соуджбулака. Комплектовала полк (500 всадников). Другая, бóльшая половина (ок. 6000 семей, или ок. 40 000 человек) сохраняла родовое устройство, кочевой образ жизни и делилась на мелкие племена, постоянно враждующие между собой и с соседями. Правитель Соуджбулака не мог собрать с них подати. Они уходили в Турцию и оттуда совершали набеги. Чтобы удержать племя от перехода в Турцию, правительство обложило *мукри* небольшой податью (20 000 туманов в год). Тогда они платили подати персидскому правительству и не враждовали с другими племенами.

Курды мукри рассказывают легенду как доказательство их самого чистокровного курдского происхождения: в провинции Авшар в окрестностях Саин-Кала (северная часть территории *мукри*) находятся руины под названием Тахте Сулейман, остатки древнего Шиза — столицы Мидии, где парфяне потерпели поражение от Антония. Как писал известный русский ученый В.П. Никитин, «исторически, однако, Тахте Сулейман может происходить от имени Сулейман-шах Абу, который господствовал в Курдистане в XIII в.» (Никитин, 1964, с. 254).

Уже в VII в. на территорию Мукринского Курдистана перекочевали курдские племена *шуй* и *раванд*. В IX–XII вв. в крае появились и другие курдские племена. Тогда возникли несколько местных курдских династий. В XIV в. пришедшие сюда курдские племена были частично покорены, а частично оттеснены на запад племенами тюрко-монголов, подчинивших себе территорию Мукринского Курдистана.

Большинство курдских племен появились в Мукринском Курдистане в 1-й половине XV в., постепенно вытесняя тюрко-монгольские племена. Первыми пришли сюда племена *бильбасов* и *кевалисов*. В 1446 г. в край вторглись мукринцы. По сведениям Шараф-хана, родословная правителей мукри восходит к племени *мукрийе*, обитавшему в районе Шахризура, ранее входившего в шахризурскую группу *бабан*. Он же

свидетельствует, что первые правители *мукри* свое происхождение связывали с бабанскими правителями. Один из потомков последних, по имени Сайфаддин, был человеком хитрым и коварным. Его часто называли «макри» (по-перс. «хитрый») или «макру» («[истина], ведомая Аллаху»). Племена, собравшиеся под началом Сайфаддина и включавшие в себя отряды из аширата *бабан* и других племен Курдистана, стали именоваться *мукри*. Возможно, как пишет О.Л. Вильчевский, «первоначальным толчком к объединению послужила нехватка пастбищ в районе Шахризур» (Вильчевский, 1958, с. 181).

Племя *мукри*, родственное шахризурским *бабанам*, во главе с Сайфаддином появилось к югу от оз. Урмия в районе Соуджбулака в XV в. в конце господства туркменских племен *кара-коюнлу* (1410–1468) и *ак-коюнлу* (1468–1502). Курды *мукри* и *бильбас* в XV в. образовали большую и мощную племенную федерацию. Объединенные в союз, они быстро расширили занятую ими территорию и упрочили свое положение в Центральном Курдистане. Они отняли у тюрок *джибуклу* округ Дерьяс — нынешний Шехриверан (Шахвейран), в 11 км от современного Мехабада, а затем постепенно начали расширять свои владения — заняли округа Дола-Барик³, Ахтечи, Эль-Тамур и Солдуз (курд. Сундус). Сайфаддину никто не смог оказать сопротивление.

После установления в Иране господства кызылбашей глава новой династии шах Исмаил Сефеви (1502–1524) несколько раз безуспешно пытался силой покорить Мукринский Курдистан. Между этим племенем во главе с сыном Сайфаддина Сарумом и войсками шаха Исмаила Сефеви происходили неоднократные сражения, и кызылбаша терпели поражение. Шах Исмаил пытался разбить курдов Мукри с помощью кызылбашского племени *шамлу*, однако и эта попытка оказалась тщетной. Правда, эта победа и для мукринского предводителя оказалась пирровой, и вскоре он вынужден был признать власть сефевидского правителя.

Эмиром этого племени после Сарума султан Сулейман назначил его внука Амира, который ревностно оберегал ашират, неизменно покорный и послушный султану Сулейману.

В 1583 г., в четвертом поколении после Сайфаддина, Амир-бек получил от султана Мурада III управление обширной территорией, населенной курдами, охватывавшей Мосул, Шахризур, Эрбиль и т.д. до Мераги (на восток от оз. Урмия). При сыне его Хейдер-хане *мукри* овладели также округами Мераге (в начале XX в. часть Турджана), Аджери и Лейлан (по правому берегу р. Джагату), г. Миандоаб и крепостью Сару-Курган (ок. Мераги).

В 1593–1594 гг. округ Мераге по приказу эмира эмиров Багдада Хизр-паши был отобран у племени *мукри* и передан племени *махмуди*. Между *мукри* и племенем *махмуди* происходили сражения, а в это же время часть улусов *махмуди* направилась в Солдуз (Шараф-хан Бидлиси, 1967, с. 340–343).

После того как в XV в. курды *мукри* и *бильбас* образовали большую и мощную федерацию, расширили занятую ими территорию и упрочили свое положение, мукринские бекзаде стали играть все большую роль при дворах османского султана и иранского шаха. Шах Аббас I опирался на курдов, составлявших большую часть его вооруженных сил, и назначил множество мукринских бекзаде на высокие командные посты. В 1624 г. он разбил турок в крупном сражении благодаря поддержке курдов *мукри*, составлявших ядро его армии. Позже воинственные и смелые *мукри* составили ядро армий в походах Надир-шаха и Фатх Али-шаха.

³ В начале XX в. на берегу оз. Урмия располагался округ Дол, окруженный с запада горами. Отрог, ограничивавший с севера Дол от Барандуза, назывался Кашка-гедик. По-видимому, округ Дол соответствовал тому Дола-барик, который в XV в. был занят курдами *мукри*.

Почти в течение двух столетий (XVII–XVIII вв.) вдоль границы Ирана и Османской империи существовало крупное полунезависимое феодальное владение «сердара мукри» с центром в Соуджбулаке — Мукринский Курдистан, номинально входившее в состав иранской монархии и разделявшееся на значительное количество более мелких владений курдских феодалов. Правящие круги Ирана и Турции не раз пытались подчинить их, однако *мукри* всегда оказывали упорное сопротивление (курдский эпос, историк Сефевидов Искандер Мунши, а также восточные и европейские источники сохранили многочисленные свидетельства о попытках иранского и турецкого правительств подчинить себе Мукринский Курдистан и многочисленные факты сопротивления этому мукринцев).

Население Мукринского Курдистана составляли в основном курды *мукри*, входившие в крупный союз племен *бабан*, во главе которого первоначально стояли бекзаде *мукри*, представлявшие собой военную дружину племени *мукри*. Глава их являлся полунезависимым владельцем края (сердар мукри). Когда они ослабели в конце XVIII в., власть захватили *дебокри*, глава которых унаследовал титул и власть сердара *мукри*. Когда ослабели и *дебокри*, среди мукринских племен началась борьба за переход власти сердара *мукри* к главе более сильного племени. Ашират был покорен правителем Бабана Пир Будаком. Это ханство или княжество, формально числившееся в составе Ирана, в свою очередь, делилось на небольшие владения более мелких курдских феодалов.

Мукринские ханы принадлежали к пяти семействам, восходящим к Баба-эмиру, или Баба-миру. Однако живет предание о происхождении их от полулегендарного Будака-султана. Легенда гласит: некогда в Турецком Пишдере в деревне Деришмане жил Факи-Ахмед, который из-за притеснений *бильбасов* ушел в Константинополь, поступил на службу к султану и сражался с неверными. Однажды он захватил рыцаря, оказавшегося девушкой по имени Кеган, взял ее в жены, у них родились два сына — Баба-Сулейман и Будака-султан: к первому возводят свое происхождение сулейманийские *бабаны*, ко второму — мукринская знать.

В.Ф. Минорский дает следующую родословную семейства Баба-мири:

```

Будака-султан
|
Абдулла-бек и 7 братьев
|
Мустафа-бек
|
Ахмед-бек
|
Тамир-хан
|
Фаррох-хан
|
Мустафа-бек
|
Мухаммед-султан

```

(Минорский, 1915, с. 463).

Сердар из рода Баба-мири — вождь *мукри* Азиз-хан упоминается в истории каджаров. Деятельность его развернулась при Мухаммед-шахе (1834–1848) и Насред-

дин-шахе (1848–1896). Он действовал в Тавре с несколькими другими знатными курдами, отправившимися туда в момент примирения Будака-хана с каджарами. Затем после успешного выполнения дипломатической миссии (переговоры в Герате) он в начале правления Насреддин-шаха стал военным правителем Тегерана. В Зенджане принял меры против восстания бабидов. Организовал в Тегеране по приказу шаха службу порядка, которую несли *мукри* из Мехабада, *кельхоры* из Керенда и *афшары* под командованием его сына Али-хана, за что был произведен в генералиссимусы иранской армии. Позднее из-за интриг был обвинен в заговоре с русскими и англичанами в целях объявления Курдистана независимым от Ирана. Азиз-хан Сердар был генерал-губернатором Азербайджана, основал деревню Сердар-ава, много сделал для поднятия земледелия в Соуджбулаке. Умер в 1868 г.

К семейству сердаров принадлежал Сайфадин-хан, о способностях и талантах которого подробно писал Ж. де Морган (Morgan, 1895, S. 39–40). Мухаммед Хусейн-хан Сердар — губернатор Соуджбулака — был убит при нашествии турок в декабре 1914 г. Его сын Али-хан обучался в Московском кадетском корпусе.

Ко второму семейству Баба-мири принадлежал Шейх Али-хан Шуджауль-мемалик. Его дед — Керим-хан, отец — Меджид-хан, брат — Мир-Паша-хан, старший сын — Мамед Али-хан. 18 владений Шейх Али-хана в округе Ахтечи за долги его отца перешли в половинное пользование русских подданных Назарбековых.

К третьему семейству Баба-мири мукринских ханов принадлежали внуки Рустембека в Ахтечи и Бехи.

К четвертому семейству Баба-мири принадлежали сыновья Мамед Эминбека в Турджане.

К пятому семейству Баба-мири принадлежало потомство Феридун-хана, бывшего во времена Надир-шаха правителем в Хамадане. В 1911 г. представители семейства жили в дер. Ялава (Ядабад).

Кроме пяти семейств Баба-мири мукринских ханов в Соуджбулаке был известен еще род казиев — судебно-духовных лиц. Их глава Кази Феттах был вызван в Тегеран по настоянию русских за его оппозицию Назарбековым и жил там как заложник. При нашествии турок в 1905 г. Кази Феттах собрал ополчение для сопротивления им.

Сердар был очень богат, он являлся одним из крупнейших земельных собственников края. В начале XX в. сердар *мукри* имел свою резиденцию в Бокане. Старший хан *мукри* являлся наследственным предводителем всех курдских ополчений края, начальником его обороны.

Племя пользовалось большой известностью благодаря своей доблести и могуществу своих сердаров, или правителей, которые на протяжении веков управляли Соуджбулаком. Помещики племени разделялись на ханзаде (более знатные роды) и бекзаде (менее знатные, более мелкие роды). В полукрепостной зависимости от них находились крестьяне райет.

Бекзаде начала XX в. свое происхождение связывали с именем одного из потомков бабанской династии Будака-хана, жившего в конце XVIII — начале XIX в. Он имел большое влияние среди вождей *мукри*. За справедливость его называли «Второй Ануширван». До прихода к власти каджарской династии он поддерживал *зендов* во главе с Керим-шахом, а после восшествия на престол Фатх Али-шаха был признан эмиром *мукри*. Будака-хан дважды участвовал в походах Аббас-мирзы против *бильбасов*, объединяясь с правительственными войсками, посланными Аббас-Мирзой, наследником трона и правителем Азербайджана.

На службе у каджаров находились и другие знатные *мукри*, например Меджид-хан, имевший чин серхенга (полковника) и у которого было около 30 больших селений, и Исмаил-ага Дебокри, есаул при дворе иранского шаха.

В союз племен *мукри* помимо собственно *мукри* и *дебокри* входили родственные им *бильбасы*. Ранее иранские *бильбасы* платили главам *мукри* 1000 туманов в год, но к началу XX в. они вышли из зависимости и сами стремились стать во главе мукринского союза. К числу бильбасских племен, вошедших в состав *мукри*, относятся: *ма-маш*, *мангур*, *тиран*, *геурик*.

Есть все основания предполагать, что племена, населявшие долину рек Татаву и Джагату и их притоков, ранее всех других соседних курдских племен перешли к оседлому образу жизни и что земли Шехриверана принадлежали ранее *мукри*. Сохранилась купчая крепость на селения Шехриверана, по которой в XVIII в. потомки Будаг-султана отчуждали свои земли по долине низовой р. Соуджбулак родоначальникам племени *дебокри* по низким ценам.

Склонные к оседлости и более спокойные по характеру, чем *бильбасы*, *мукри* к середине XIX в. осели большей частью в селениях, где имели постоянные жилища. Только летом они отправлялись на кочевья, где располагались в черных шатрах возле деревень. В районах оседлости — Лахиджане (округ Соуджбулака), Вазне, Наалейне, Дешт-Мерге и Теркеше (Сердешт), Соуджбулаке в начале XX в. имели пашни и луга. В районе Соуджбулака занимали 297 деревень.

Главные земледельческие районы Мукринского Курдистана — Саин-Кала, Шахиндедж, Миандоаб, Солдуз, Саккыз, Лахиджан, Ахтечи, Ушну, Бехи и др. Земледельческая продукция этих районов полностью удовлетворяла местный рынок и частично вывозилась в другие районы Ирана и соседние с Мукринским Курдистаном районы Ирака. Пахотные земли делились на равнинные, требующие искусственного орошения посредством отводимых от рек каналов, и горные, не орошаемые искусственно. По берегам рек имелись заливные поля, отводимые под культуры однолетних растений; посев озимых на них был невозможен из-за позднего схода воды. Земли в Мукринском Курдистане совершенно не удобрялись, за исключением огородов и участков, предназначенных под выращивание табака.

Основными земледельческими культурами являлись: пшеница (до 5 различных видов), ячмень трех видов, один из которых использовался для пивоварения; кукуруза, горох, фасоль, чечевица. В изобилующих водой районах Солдуза, Шехриверана и Ахтечи культивировался рис, однако не очень высокого качества. В районах Миандоаба, Солдуза, Ушну, Шехриверана и Мехабада получила распространение культура сахарной свеклы, переработка которой производилась на Миандоабском сахарном заводе. Из технических культур в крае были распространены посевы хлопчатника, табака, клещевины и кунжута. Крестьяне сажали хлопчатник преимущественно для собственного потребления, но к началу XX в. эту культуру стали выращивать на продажу. Табак продавался на рынке и в значительном количестве вывозился за пределы края — на табачные фабрики Тегерана и Тебриза.

Огородные и плодовые культуры произрастали в районах, прилегающих к Мехабаду. Из огородных культур культивировались огурцы, дыни, арбузы, помидоры, капуста, свекла, лук, чеснок, редька, репа, картофель. Из плодовых деревьев были распространены яблоня, груша, вишня, черешня, слива, абрикос, персик, шелковица, инжир, гранат, фисташка, грецкий орех, миндаль. Виноград разводили до 20 различных столовых и технических сортов. Из него изготавливали сгущенный сок, служивший для приготовления сладостей, и несколько сортов изюма и кишмиша. Производили и сухофрукты, из Мехабада их вывозили в основном в Тебриз.

В северо-восточной части Мукринского Курдистана обильные травой заливные луга низовой Симинруда («Серебряная река», известная под названием Татаву-чай), с теплым климатом, весьма умеренной зимой с незначительным снеговым покровом, представляли собой прекрасные пастбища, дававшие оседлому населению заниматься скотоводством. В основном разводили мелкий рогатый скот — овец и, значительно реже, коз. Из крупного рогатого скота разводили коров, а в Приурмийской низменности — буйволов. В качестве транспортных и тягловых животных держали волов, мулов и верблюдов. Местная порода лошадей — «мукри» (арабская полукровка, отличавшаяся от арабской лошади большей сухостью и несколько меньшим ростом) была приспособлена к жизни в горах и на равнинах.

Скотоводство составляло основное занятие курдов *мукри*, обитавших в горных районах, избилующих альпийскими пастбищами. Сюда они откочевывали на время с весны до глубокой осени, передвигаясь вслед за своими стадами по веками выработанным маршрутам и проводя зиму в глубоких долинах и ущельях. При горном кочевании годичный маршрут перекочевки не превышал обычно нескольких десятков километров.

Для удобства выпаса скота каждую весну племя разбивалось на кочевые общины — «обá», или «вар», размер которых определялся размером пастбища и количеством принадлежащего членам общины скота. Скот членов кочевых общин сводился в несколько общинных стад по виду скота — дойные овцы, молодняк, крупный рогатый скот, лошади и т.д. Для выпаса скота вся община нанимала пастухов. Члены общины кочевали вслед за передвигавшимися с пастбища на пастбище стадами. Доеание, стрижку, приготовление молочных продуктов и шерстяных изделий каждое домохозяйство производило отдельно. Во главе кочевых общин стояли наиболее зажиточные кочевники, к которым переходило не только руководство всеми делами кочевой общины, но и фактическое владение общинными землями. Завладев пастбищами, они перекладывали на остальных членов общины все расходы по аренде земли и найму пастухов, таким образом бесплатно выпасая лично им принадлежавший скот.

В Лахиджанском Кандиле пасли стада турецкие и персидские *мукри*. М. Вагнер писал: «Только среди мукринских курдов на юге оз. Урмия я видел искусных и опытных наездников, которые не уступают арабам в выезде лошадей» (Wagner, 1852, S. 239). *Мукри* занимались также продажей скота.

Среди кочевников *мукри* и частично среди оседлого сельского населения было развито производство ковров, паласов, «чувалов» (ковровые мешки), «хурджинов», «джиджимов» (сорт декоративной шерстяной ткани), в основном изготовлявшихся для внутреннего потребления и лишь в незначительном количестве на продажу.

Ковры Мукринского Курдистана, как и ковры соседнего Арделана («сенне»), пользовались заслуженной славой среди богатой и разнообразной ковровой продукции Ирана. Они отличались своеобразием узора и хорошей техникой исполнения. Вследствие добавления к овечьей шерсти небольшого количества козьей и верблюжьей, на ощупь они отличались некоторой жесткостью. Ворс ковров ровный и в старых экземплярах отличался бархатистым блеском. Рисунок центрального поля состоял из крупных стилизованных цветов различной формы и расцветки, соединенных между собой короткими стеблями, идущими в диагональном направлении. Фон синий, кайма узкая с мелким цветным узором на более светлом фоне.

В Мехабде и Саккызе было сосредоточено производство седел, уздечек, ремней, патронташей для курдов-кочевников. Округ Бане славился войлочным производством — изготовлением кошм, войлочных курдских шапок («кулав») и войлочных безрукавок («пестек»).

Главный город племени *мукри* — Соуджбулак находится к югу от оз. Урмия. Соуджбулак (по-курдски — Саблах), что значит «холодный источник», лежит на высоте 4272 футов над уровнем моря (впоследствии был Реза-шахом переименован в Мехабад).

Около Соуджбулака *мукри* появились поздно, около XV в. Здесь сохранилось немало тюркских названий мест. В XVII в. образовалось феодальное владение с центром в Соуджбулаке. Оно занимало район от Соуджбулака до Саккыза и Бане, по персидско-турецкой границе до Лахиджана. В правление шаха Аббаса (1587–1629) вождь конфедерации *мукри* Ширбак превратил в XVII в. небольшую деревушку Соуджбулак в свою резиденцию, и через 100 лет, в царствование Надир-шаха (1736–1747), Соуджбулак уже был цветущим городом. Наиболее крупными из числа городов Мукринского Курдистана являлись следующие:

1) Бокан — городок, расположенный неподалеку от правого берега р. Симинруд. Находясь на пересечении дорог, ведущих из Тебриза в Сенне, Керманшах и в Ирак, Бокан имел большое значение в качестве перевалочного пункта транзитной торговли. В городе было более 600 домов, четыре караван-сарая, базар с 200 лавками, две суннитские мечети и баня. Население составляло более 3000 курдов и евреев (в начале XX в.). При Каджарах Бокан принадлежал губернатору Соуджбулака, Мухаммед Хусейн-хану, сердару *мукри*.

2) Сердешт — город в юго-западной части Мукринского Курдистана близ ирано-иракской границы. В городе было в начале XX в. 650 домов, базар со 150 лавками, два караван-сарая, пять мечетей и баня. Численность населения — свыше 2000 курдов, армян и айсоров.

3) Шахиндедж (Саин-Кала) — городок расположен на правом берегу Зеринруда. В нем 2500 домов, 10 караван-сарая, базар с 200 лавками, шиитская мечеть и несколько бань. Численность населения более 3000 курдов, персов, армян, айсоров и евреев. Большинство — шииты, в том числе последователи шиитской секты ахл-и хакк.

4) Саккыз — город, расположенный в верхнем течении Зеринруда, на запад от Вана. В нем около 2000 домов, 4 караван-сарая, базар с 600 лавками, 8 мечетей и 5 бань. Численность населения — около 12 000, в основном курдов, а также евреев, айсоров и армян. Саккыз долгое время был столицей курдской династии саккызских бекзаде, возводивших свой род к Марванидам.

5) Бане (по-курдски Барожа, т.е. «восточный склон горы») — небольшой городок около ирано-иракской границы, расположенный на р. Бане (притоке р. Киверу). В Бане около 900 домов, 2 караван-сарая, базар с 200 лавками, 10 мечетей и 3 бани. Население — более 4000, главным образом курдов, а также евреев и армян. Бане располагался на пересечении путей из Мукринского Курдистана в Ирак и являлся важным торговым пунктом.

6) Негд, или Негеде, — небольшой городок недалеко от южного побережья Урмийского озера на левом берегу р. Чуме-Баизова, притоке Гадыр-чая, административный и торговый центр округа Солдуз. В городе было более 500 домов, базар с 50 лавками, больница, небольшая шиитская мечеть и дворец карапапахских ханов, резиденция которых находилась в Негеде. Численность населения — более 1000, главным образом карапапахов, курдов, евреев и армян.

7) Ушну — городок на р. Гадыр-чай между Негеде и Резайе, несколько западнее этих пунктов. Раскинут по обоим берегам Гадыр-чая. Через реку в центре города перекинут мост, соединяющий обе половины базара, лавки которого расположены и на мосту. В городе более 700 домов, базар с 200 лавками, мечеть, бани и дворец ханов племени *зерза*. Численность населения — около 3500 человек, главным образом курдов. Подобно Бане, Ушну — крупный центр по торговле Мукринского Курдистана с Ираком. Через город шли дороги от побережья Урмийского озера в Ирак.

В начале XIX в. в Соуджбулаке насчитывалось 12 000–15 000 человек племени *мукри*, в Ушну — 300 семей; в середине XIX в. в Соуджбулаке, Азербайджане насчитывалось 15 000 домов. В конце XIX в. численность составляла примерно 10 000 семей (60 000 человек). Наблюдался небольшой рост населения из-за постигших племя *мукри* бедствий (чума, холера, войны и др.). В начале XX в. в районе Соуджбулака насчитывалось примерно 60 000 человек; в Ушну — 800 семей; в районе Урмия — Соуджбулак — 50 000 семей. В Персидском Курдистане *мукри* занимали 30 деревень, примерно 30 000 семей (примерно 150 000 человек).

Общая численность населения мукринского союза составляла до Первой мировой войны свыше 300 000 человек, к концу 30-х годов в результате военных действий между курдами и турками, действовавшими совместно с правительственными войсками, их численность упала до 90 000. В начале XX в. общая численность населения Мукринского Курдистана составляла 300 000–400 000 человек при площади 15 000 км². Численность городского населения — 50 000–60 000, т.е. 15%. Из числа сельского населения на долю оседлых приходилось 150 000–200 000 человек, на долю кочевников — 100 000–140 000 человек.

По сведениям середины XIX в., жилища курдов *мукри* на пути из Эмирабада к Соуджбулаку на холме Таштепе имели жалкий, грязный вид — наполовину врытые в землю глиняные постройки, с плоскими соломенными и тростниковыми кровлями, лишенные деревьев и садов.

В начале XX в. в центре селения находился помещичий дом («кала»), хорошо укрепленный и окруженный высокой стеной. Нередко он располагался на холме и господствовал над местностью. Около ворот помещичьего дома, вокруг небольшой площади, располагались лавки и чайхана. От площади во все стороны расходились улицы, одна или две из которых вели на проезжую дорогу. Если в селении не было помещичьего дома, то иногда все оно было обнесено стеной, с крепкими запирающимися на ночь воротами.

Дома в курдских селениях на низменностях строили из сырцового кирпича, реже из камня, с плоскими крышами, с окнами, выходящими не только во двор, но и на улицу. По внешнему виду дома было трудно судить о зажиточности владельца. Внутри дом состоял из одной или нескольких комнат; в последнем случае одна из них служила для приема гостей.

В теплое время года пищу готовили на очаге во дворе. Внутреннее убранство комнат состояло из циновок, войлоков и ковров. Для хранения одежды, посуды и предметов домашнего обихода служили шерстяные мешки, деревянные лари, сундуки и ниши в стенах. К дому примыкал двор с несколькими строениями, служившими хлевом, конюшней, сараями и амбарами. Двор обносили глинобитной или сложенной из камня стеной с крепкими деревянными воротами. На крышах и стенах домов сушились лепешки кизяка, почти единственного вида топлива в безлесных районах. Большие пирамидальные кучи кизяка стояли у каждого дома.

В горных лесных районах юго-западной части Мукринского края курды *мукри* жили в примитивных землянках или даже шалашах из древесных ветвей, выстланных внутри сухими листьями. В середине был устроен примитивный очаг из камней, вокруг которого в холодное время грелась вся семья, размещавшаяся тут же на ночь.

Основной вид застройки полукочевых курдов — землянка, глубоко врытая в склон горы. Группы таких землянок по горному склону около источника составляли малоприметную деревню. Центральная часть землянки служила зимним помещением для скота. Вокруг находились жилые комнаты. Скот проходил в хлев через жилое помещение. Соблюдались планировка шатра. В переднем правом углу — очаг. Вдоль зад-

ней стенки складывались ковры, паласы, кошмы, одеяла и прочие домашние принадлежности. Середину пола застилали камышовой циновкой, поверх которой клали кошму или ковер.

Проходило несколько десятков лет, пока вокруг такой деревни возникали сады и огороды, запруда перегораживала горную речку и возникала мельница. Однако еще долгое время жители селения не порывали с элементами кочевого быта, и на крышах их землянок можно было видеть столбы шатров, в которые курды переселялись весной.

Кочевое курдское население проводило в землянках лишь несколько зимних месяцев. С ранней весны до поздней осени, во время кочевания, курды жили в черных шатрах. Тент шатра делался из нешироких полос ткани типа паласной (0,50–0,75 м), выделяваемой из грубой козьей шерсти с добавлением конского волоса. Отдельные полосы сшиты в полотнища, скрепленные застежками в виде деревянных запонок. Тент наброшен на столбы, врытые в землю и укрепленные шерстяными веревками. У большинства курдов шатры односкатные, с открытой передней стороной, и тент наброшен на несколько рядов постепенно понижающихся столбов. У мукринских курдов шатры двускатные. Все свое имущество кочевники хранили в различного рода сумках из ковровой и паласной ткани, приспособленных для выючения на осла, лошадь, верблюда или быка. Продовольствие хранилось в мешках из шерстяной ткани и в бурдюках.

В середине XIX в. К. Боде дает описание костюма курда из племени мукри: он состоял из абá, плаща с белыми и черными полосами, и огромной пестрой чалмы с бахромой, спадающей на плечи. При этом мукринец имел кривую саблю, пистолеты, кинжал за поясом, а в руке — копье (Боде, 1854, с. 33).

Н. Зейдлиц добавлял: головной убор *мукри* — красные турецкие фески, обернутые большими пестрыми платками и тонкими полосками черного, красного и белого цвета, называемыми «фите». Платье широкое, называемое «абá», верхнее платье с белыми и коричневыми полосами (Зейдлиц, 1858, с. 61).

В 80-е годы XIX в. А. Аракелян отмечал, что рубаха и штаны курда племени *мукри* шились из белого грубого холста («джави») (Аракелян, 1904, с. 12).

Э. Сон так описывает костюм северных *мукри*, живших к югу от Урмии в конце XIX в.: «Они носили на голове широкий платок из полосатого шелка — красного, белого и голубого, обшитый бахромой и элегантно завязанный на красной шапочке. Широкие сгибы собраны в перевязь, а длинная бахрома спадала в причудливом беспорядке.

Одежда состояла из широкого жилета и накидки с широкими рукавами. Поверх надевалась куртка — расшитая и подбитая мехом в зависимости от имущественного положения ее владельца. Более низкие по происхождению курды мукри надевали широкие шаровары, в которые на марше они засовывали полы своей развевающейся одежды. На талии они носили пояс с большими серебряными пряжками. За поясом носили не только кинжалы, но пару медных или с серебряной насечкой пистолетов. Тут же свешивались пороховницы, мешочки для пуль. Поверх набрасывался плащ или абá (белый, черный, коричневый или полосатый) из верблюжьей шерсти, застегивавшийся на груди и живописно развевавшийся сзади.

Курды мукри, не носившие войлочных колпаков, заменили остроконечную белую шапку невысокой зеленой из бархатной ткани с маленькой жесткой кисточкой торчащей наверху. Небольшая шапочка обвязана вокруг шелковыми платками с бахромой. По цвету платки различны: полосатые с мелким цветочным рисунком. Бахрома падала на лоб, придавая мукринцу свирепый вид, закрывая обе стороны лица. Они

носили персидскую „кабу“, короткую, не доходящую до колен тунику, а поверх часто носили „сердари“, или сюртук из бархата ярких цветов со складками.

Женщины мукри из Сенне славились своими большими тюрбанами, представлявшими большую массу цветных шелковых платков, завязанных сбоку узлом. Они любили носить серьги, браслеты, ряды золотых монет на лбу являлись украшением одежды. Женщины носили „сердари“ или „чарухиче“ — тяжелую одежду, набрасываемую на одно плечо» (Сон, 1917, с. 53–56).

В.П. Никитин так описывает городской костюм богатой мукринской женщины Мехабда: «Он состоял из широких штанов из парчи, белой рубашки, на которую надевали другую шелковую цветную рубашку, доходящую до лодыжек, а поверх нее — блузку, также из парчи, с длинными рукавами с манжетами у кистей рук. На ноги надевали красные сафьяновые сапожки с помпонами, на голову повязывали шелковый пестрый платок» (Никитин, 1964, с. 159–160).

Наиболее полное описание мужского костюма курдов *мукри* дал О.Л. Вильчевский: костюм состоял из широкой рубахи с длинными рукавами, невысоким стоячим воротником и разрезом посередине груди; спереди рубаха застегивалась петлями на пуговицы, сделанные из связанного узелком шнура. Рубахи шили из хлопчатобумажной ткани преимущественно белого цвета. Широкие штаны из той же ткани стянуты у щиколоток (к этому времени курды перестали выделять домотканые материи и перешли на дешевую хлопчатобумажную ткань фабричного производства).

Поверх рубахи надевали «милтан» — широкую куртку из шерстяной материи с длинными рукавами, без воротника, с широкими запахивающимися полами, но открытую на груди. В рукава куртки вставлялся углом длинный и широкий лоскут той же ткани, из которой сшита рубаха; лоскут заворачивался поверх обшлага куртки и образовывал широкую белую полосу от кисти почти до локтя, или же его затыкали в рукав, и тогда он свешивался вниз. Белые обшлага должны быть безукоризненно чистыми. Иногда милтан заменяли запашным кафтаном с разрезами на подоле и с длинными разрезными рукавами («чекбан» и «каба»). Чекбан шили из шелковой, шерстяной или хлопчатобумажной ткани и иногда подбивали ватой. На груди, рукавах и воротнике чекбана зажиточные курды вышивали узоры золотыми и шелковыми нитками. Чекбан носили мужчины старшего поколения. Кафтан (чекбан) опоясывался длинным куском шерстяной, шелковой или бумажной ткани, длина которой доходила до 10 м, пояс обматывался в 5–6 оборотов, перекрещивавшихся каждый раз спереди; в зависимости от племенной принадлежности расцветка пояса — белая, серая, зеленоватая, черная, но почти всегда полосатая или в цветочек. Ткани привозили из Турции и Ирака. За пояс затыкали 1–2 кинжала, револьвер или пистолет, кисет с табаком, кошелек и т.д.; иногда по сторонам пояса прикрепляли небольшие кожаные мешочки. Патронташ, надеваемый либо через плечо крест-накрест, либо вокруг пояса, как у племен *зерза*, *харки*, полностью вытеснил наблюдавшийся еще А. Аракелянном кожаный пояс с отделениями для пуль, пороха, пистолетов и ружейных принадлежностей.

Зимой и при верховой езде надевали еще и шаровары («шальвар»), очень широкие и собранные у щиколотки, часто обшитые шелковым шнурком. У пояса к шароварам пришивалась полоса из легкой ткани, в которую пропущен «очкур». Шаровары надевали под пояс поверх милтана или чекбана и затягивали очкуром.

Куртки и шаровары шили из шерстяной ткани домашнего производства или покупной; цвет материи серый, серо-зеленый, песочный, коричневый или черный. Зимой поверх куртки носили «чуху» или «шабек» — род короткого кафтана с короткими рукавами; его шили из специально изготовляемых в Ираке тонкой шерстяной мате-

рии и тонкого сукна разных цветов. Поверх всего этого, в особенности отправляясь в путь, курд надевал войлочную безрукавку («пестек»), предохранявшую спину от давления винтовки и защищавшую от ударов холодного оружия и пуль на излете. Распространены «абá» — род войлочной бурки — и «джуба» — надеваемый внакидку тулуп, расшитый понизу шелками.

Мукринские курды носили шерстяные чулки белого цвета, иногда с узорами, кожаные туфли с острыми носами. При верховой езде надевали «сах» — белые войлочные ноговицы на пуговицах, расшитые шелками или высокие кожаные сапоги кавказского типа.

Поверх остроконечной войлочной тюбетейки, украшенной кистью, курды племени *мукри* голову обматывали чалмой из мосульского фуляра (муслина) или хлопчатобумажной ткани с бахромой, свисающей на лицо и предохраняющей глаза горца от снежной болезни. Цвет чалмы — серый, белый, песочно-желтый, зеленоватый, черный, чаще не одноцветный, а полосатый, например серый с черными полосами; иногда на ткани имелся мелкий цветочный узор; важно, чтобы расцветка чалмы не была очень яркой. Форма тюбетейки, способ завязывания чалмы, а также их размеры и цвет различались в зависимости от принадлежности к определенному племени и даже роду и служили как бы отличительными признаками.

Походный костюм («лыбасе сафари») *мукри* приближался к костюму *пиранов*: он состоял из куртки или кафтана черного цвета, заправленных в черные шаровары, а также из черной чалмы с обязательной длинной бахромой и пояса того же цвета; только ворот рубахи и обернутые вокруг рукавов лоскуты выделялись своей белизной. Походный костюм курды надевали во время путешествия по территории племен, отношения с которыми были напряженными. Походный костюм носили также делегаты, посланные племенем к другому племени для переговоров о помощи или перемирии. Убийство или оскорбление курда в походном костюме считалось одним из тягчайших преступлений, за которое отвечало все племя виноватого.

Женщина иранских *мукри* носила широкую рубаху из грубой хлопчатобумажной ткани и широкие шаровары, стянутые у щиколотки. Рубаха и шаровары цветные (голубые, синие, зеленые). Рубаху носили поверх шаровар. Часто рубаха имела разрезы по бокам. Поверх рубахи надевалась просторная длинная кофта из шерстяной или хлопчатобумажной ткани разного цвета с широкими рукавами. Пояс к кофте из хлопчатобумажной ткани, обычно более светлой расцветки. Сверху на плечи набрасывался большой кусок хлопчатобумажной ткани, конец которой завязывался на шее и спускался вдоль спины. Женщины ходили большей частью босиком и лишь в холодную погоду зимой надевали шерстяные чулки и кожаные туфли.

Головным убором женщины племени *мукри* служил овальной формы кусок шелковой (реже хлопчатобумажной) ткани, который придерживался широкой домотканой тесьмой; тесьма проходила под подбородком и соединялась с материей на висках серебряными или медными пряжками. Сверху надевался кисейный платок, обычно белого цвета, завязанный узлом под подбородком. Поверх платка наматывалась небольшая черная или цветная чалма.

Форма головного убора у девушек и замужних женщин имела ряд различий, так же как отличался по своей форме и цвету головной убор различных племен (Вильчевский, 1958, с. 196–199).

Подавляющее большинство мукринских курдов — мусульмане-сунниты. Однако в их религиозных верованиях заметно сложное и своеобразное переплетение мусульманства и различного рода доисламских представлений: с одной стороны, ортодоксального суннизма, с другой — мусульманского сектанства. В Иранском Курди-

стане большим авторитетом пользовались у племени мукри накшбандийские муршиды⁴.

Следы древних верований сохранились у мукринских курдов в виде культа камней, священных деревьев и т.п. Сведения об этих остатках древних культов в Мукринском Курдистане весьма невелики. По словам А.А. Аракеляна, пробывшего в Мукринском Курдистане долгое время, «курды весьма суеверны... Везде у них можно встретить, особенно на больших дорогах, неплодоносные деревья, на которые приезжие и пилигримы навязывают куски разных тряпок. Каждый курд, давший какой-либо обет или имеющий какое-либо желание, став на колени перед этим деревом, завязывает узел, и с этого момента он убежден, что обет исполнится и молитва его принята. Молодые девушки и молодые люди, как и новобрачные, часто отправляются на пилигримство к таким деревьям. Кроме этих деревьев, местами пилигримства служат могилы шейхов и маленькие леса плодоносных деревьев; курды никогда не трогают этих деревьев, но едят плоды тут же в лесу и ничего не берут с собой, т.к. считается святотатством брать на дом не только плоды, но и маленькую ветку, даже сухую, или листья этих деревьев, и нарушать это правило никто не решается. Это дало повод другим народностям говорить, что курды боятся деревьев этих священных лесов больше, чем самого Аллаха. Ежегодно курды собираются несколько раз в этих лесах или в местах пилигримства, остаются там несколько суток: пьют, едят, танцуют, организуют турниры и часто празднества эти оканчиваются битвой и кровопролитием» (Аракелян, 1904, с. 21–22).

Такого рода священных рощ, деревьев, камней, могил, источников в Мукринском Курдистане много. Некоторые из них, например расположенный между Лахиджаном и Равандузом зиарет⁵ Шейх-Балак, пользуются известностью во всем Курдистане. Все они в такой же мере увешаны тряпочками, ленточками и другими подношениями верующих, в какой увешаны амулетами сами курды, их дети, их скот. Амулеты, предохраняющие от глаза, болезней, ранений, кражи и других несчастий изготавливались шейхами и дервишами. По своей форме и материалу амулеты весьма разнообразны — от грубо отточенных кусков дерева, камня или металла с простейшими изображениями и надписями до специальных металлических коробочек с вложенными внутрь текстами молитв и заговоров. Обычно амулеты делались достаточно заметными в расчете на то, что враг или нечистая сила обратят на них внимание; однако в тех случаях, когда действие амулета должно было носить тайный характер, например приворожить кого-нибудь, амулет делался незаметным.

Племя *мукри* отличалось храбростью и смелостью. Мукринцы прослыли лихими наездниками. Выставляли 5000 всадников, сохраняя нужное число для охраны селений и стад.

Английский майор Г. Роулинсон, занимавший командные посты в шахской армии, сообщал в 1839 г., что многие жившие в пограничном районе Солдуз курды-*райет* под меняющимся турецким и персидским правлением потеряли свои внешние национальные черты и не отличались от турецких и персидских крестьян. В отличие от сохранявших большую самостоятельность аширетных курдов *мукри*, не повиновавшихся ни персам, ни туркам, курды-*райет* подвергались особенно жесткой эксплуатации со стороны турецких и персидских феодалов.

Регулярных частей курды не выставляли.

Мукри держались в постоянной военной готовности из-за соседства с племенем *бильбас*, с которым имели общее происхождение и являлись ветвями одного племени

⁴ Накшбандийа — суфийское братство; муршид — духовный руководитель, наставник.

⁵ Святое место, место поклонения святым.

(как писал В.П. Никитин, оба племени принадлежали к *бебе (бабан)*, с которым у *мукри* были частые стычки, см.: Никитин, 1964, с. 252).

Шах Аббас, Надир-шах и Фатх Али-шах полагались на *мукри* в своих военных предприятиях. Самый влиятельный — шах Аббас опирался на курдов, составлявших большую часть его вооруженных сил. Он назначал их на высокие командные посты в своих войсках и одержал множество побед, особенно на западе, благодаря им. Так, в 1624 г. в крупном сражении нанес поражение туркам. Большая часть его войск состояла из курдов *мукри*. Для этого племени в иранской армии существовали постоянные привилегии.

Мукри оказывали содействие в восстании Ахмед-паши в 1835 г. в Равандузе. Увлекаемые своими вождями и духовенством *мукри* быстро поддавались настроению, враждебному шиитам и персидскому правительству. В начале 30-х годов XIX в. отряды Мир Мухаммеда — правителя Равандуза — во главе с Мурад-беем начали проникать в Лакиджан и районы, населенные курдами *мукри*, не встречая особого сопротивления. Для укрепления тыла на завоеванных территориях Мир Мухаммед начал строить крепости, восстанавливать полуразрушенные укрепления. В конце XIX в. большая часть *мукри* бросила свои жилища и примкнула к восстанию Обейдуллы.

Племя *мукри* сыграло большую роль в борьбе с турецкими войсками, пытавшимися оккупировать эти районы в 1905–1906 гг., а также в Иранской революции 1907–1911 гг., особенно в образовании революционных энджуменов (советов) в таких курдских городах, как Мехабад, Саккыз и др. В 1908 г. племя участвовало в восстании в пограничных районах Ирана.

Во время зимнего наступления русской армии в 1916 г. племена центральной части Иранского Курдистана — *мукри* и *бекзаде*, понесшие тяжелые потери, массово переходили на сторону России. В июле 1918 г. некоторые вожди мукринских курдов района Соуджбулака выдвинули идею провозглашения независимого Курдистана под британским покровительством. В декабре 1918 г. шейх Махмуд согласился на британский протекторат в обмен на создание под его управлением автономного курдского государства с включением в него всех курдов Мосульского вилайета и части Ирана (Юго-Восточного Курдистана).

После окончания Первой мировой войны мукринские курды активно участвовали в антииранском движении курдов племени *шеккак*, предводительствуемых Исмаилом Симко. Сердар *мукри* командовал Соуджбулакским участком против персидских войск.

Осенью 1929 г. произошло восстание *мукри* в Азербайджане. В 30-е годы иранская администрация окончательно упрочила свои позиции, после того как Реза-шах послал против мукринских курдов карательные войска.

В годы Второй мировой войны создались благоприятные условия для самоуправления курдского района. В 1942 г. были созданы органы местного самоуправления. В январе 1946 г. в Мукринском Курдистане была провозглашена Курдская автономная республика с центром в г. Мехабаде, просуществовавшая до 1947 г.

С конца 1941 г. на обширной территории Мехабадского губернаторства и примыкавших к нему земель, населенных курдами *мукри*, независимом от иранской администрации, начали складываться свои формы государственности. Во главе Мукринского Курдистана стоял глава союза племен *мукри*, выполнявший одновременно функции Мехабадского губернатора. Первоначально это звание принадлежало главе племени *дебокри* Али-ага Хаджи ал-Хани-заде Эмир Асаду. Однако в августе 1942 г. обнаружилось, что он, сомневаясь в прочности установленной курдами власти, начал переговоры с иранским правительством. Ему пришлось покинуть Мехабад, сложив с себя звание главы союза племен *мукри*. После этого началась борьба между *дебокри*

и *мамашами* за проведение на освободившийся пост своего кандидата. Результатом ее было ослабление значения главы союза племени *мукри* и переход фактического руководства Мукринского Курдистана к наследному казию (духовному судье) Мехабада (род казиев всегда играл важную роль в политической жизни племен союза *мукри*) Кази Мухаммеду, занимавшему также должность мехабадского градоначальника. Особенно усилилась роль Кази Мухаммеда после того, как его брат Садре Кази был избран депутатом от Мехабада в меджлис 14-го созыва (осень 1943 г.).

У мукринцев существовал обычай родовой взаимопомощи. Каждый член племени имел право на материальную и моральную поддержку со стороны всех своих сородичей. Если у крестьянина не хватало муки до нового урожая, члены его племени были обязаны с ним поделиться; если у кочевника был украден или пал скот во время эпизоотии, он имел право на помощь со стороны сородичей. Они же по мере сил стремились помочь при свадьбах или похоронах. Курды-помещики вне зависимости от того, какими бы тяжелыми поборами ни облагали они своих сородичей-крестьян, считали обязательным помогать им в случае их полного обнищания. Но уже в 1-й четверти XX в. этот обычай исчез.

Все родичи обязаны были защищать жизнь и честь любого из членов своего рода всеми средствами вплоть до кровной мести. Межплеменная помощь — важная черта взаимоотношений между дружественными и союзными племенами.

Одновременно с Ноурузом ежегодно справлялся праздник «ложного эмира», запрещенный при Реза-шахе. Вот как описывает его Ж. де Морган, наблюдавший его в 90-е годы XIX в.: «Из старых обычаев мукри я хочу еще упомянуть праздник ложного эмира, который совершается в Соуджбулаке ежегодно весной. Население города назначает эмира, или правителя, который обладает всей полнотой власти в течение трех дней и может совершать всякие сумасбродства.

Как только эмир избран, он выбирает своих министров, своих мирза, своего фераш-баши (дворецкого), набирает гвардию и с большой пышностью отправляется в сопровождении всего населения к настоящему правителю, чтобы объявить последнему об его отставке. Часто этот праздник давал повод для волнений, жители Соуджбулака пользовались случаем, чтобы избить настоящего правителя. Поэтому в настоящее время ложный эмир всегда сопровождается солдатами и представителями правителя, который уполномочен препятствовать ему переходить грань шуток. Ложный эмир правит в течение трех дней. Он разбирает наиболее забавные дела, налагая наказания на виновных, однако в штрафах, которые он налагает, один динар (тысячная часть крана) считается за кран и таким образом штраф в сто туманов на самом деле равняется одному крану; платят штрафы, веселятся; это время карнавала у иранцев.

Ранее празднование ложного эмира протекало более занятно, чем в наши дни: все курды приезжали одетые в доспехи, с длинным копьём в руках, однако сейчас, несмотря на большую декоративность этих доспехов, они уступили место ружьям и праздник много потерял в своем блеске.

Несмотря на мои разыскания по этому поводу, я не мог узнать происхождение этого обычая. Он очень древний, отвечали мне, — отцы наших отцов получили его в наследство от своих отцов и дедов. Как бы то ни было, праздник очень любопытен и подобного рода выборы главы не имеют аналогии в стране» (Morgan, 1895, p. 39–40). В 1934–1939 гг. этот обычай «ложного эмира» был упразднен.

Этот обычай, как пишет О.Л. Вильчевский, под названием «мира-миран» («мир над миром») в 40-х годах XX в. бытовал среди городского и оседлого населения Мукринского Курдистана. Близкий к празднику «ложного эмира» обряд «ложного паши», по сообщению академика И.А. Орбели, был широко распространен среди курд-

ского и армянского населения некоторых районов Турции и Закавказья (Орбели, 1982, с. 51–53). Аналогичные праздники встречаются и у других народов.

Мукри говорят на южнокурдском диалекте. Как писал В.П. Никитин, «мукри претендуют на то, что их диалект самый древний. Но его древность, вероятно, не превосходит другие курдские наречия, хотя прекрасно сохранившиеся старинные формы позволяют брать его в качестве образца при сравнении с другими» (Никитин, 1964, с. 251). Э. Сон считал, что «мукри говорят на языке, который больше всего приближается к языку авесты самого Зороастра» (Сон, 1917, с. 79). Диалекту *мукри* посвящено специальное исследование известных курдоведов И.А. Смирновой и К.Р. Эйюби.

Богат фольклор мукринских курдов: песни, сказки, эпос (сказание о Рустеме, о златоруком хане, «Мам и Зин» и др.). Первым крупным поэтом из числа авторов, писавших на своем родном диалекте, был один из представителей мукринской знати — Абдулла-бек Адаб (псевдоним — Мисбах ад-Диван — «Светоч собрания»). Он родился в 1859 г. в дер. Эрминибулак около Соуджбулака, умер в Тебризе в 1916 г. Диван его был издан в 1936 г. в Равандузе Хусейном Хузни Мукриани. Он занимался также рисованием, каллиграфией, музыкой, знал арабский, персидский, турецкий, французский языки. В стихах Адаба воспеваются красота, любовь, природа и радости жизни. Его стихи, обладающие высокими художественными достоинствами, сыграли важную роль в развитии курдской литературы, особенно в районе Мехабада, где у него появилось много последователей.

Хусейн Хузни Мукриани, называемый «курдским первопечатником», еще юношей покинул родной Мехабад, работал наборщиком в Сирии, а затем обосновался в Равандузе, где создал первую курдскую типографию и цинкографию. Он написал большое количество работ по истории Курдистана, и в частности, солидный труд по истории его родного Мукринского Курдистана.

В годы Второй мировой войны, особенно в период существования автономной демократической области Иранского Курдистана, центр литературы на южном диалекте курдского языка переместился в Мехабад. В 1942–1946 гг. здесь помимо журнала «Ништеман» («Родина») выходила газета «Курдистан» (орган Демократической партии курдов), в литературном отделе которой печатались произведения курдских авторов и переводы произведений современной мировой литературы. В этот период творил крупнейший народный поэт Мукринского Курдистана Абу ар-Рахман Хажар (1920–1998), сборник стихов которого был издан в Тебризе в 1945 г.

В первые годы Второй мировой войны Кази Мухаммед написал пьесу «Салахеддин», повествующую о борьбе курдского народа с крестоносцами. Летом 1942 г. пьеса была поставлена в Мехабаде на любительской сцене. Пьеса и ее постановка — первые попытки создания курдского театра.

Список сокращений

БЧ — Библиотека для чтения. СПб.

ВИРГО — Вестник Императорского Русского географического общества. СПб.

ИКОИРГО — Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис.

МИВ — Материалы по изучению Востока. СПб.

Список литературы

Аракелян А.А. Курды в Персии // ИКОИРГО. 1904, т. XVII, № 1.

Боде К. Путевые заметки. Из Исфагана в Гамадан. Из Гамадана в Тегеран // БЧ. 1854, т. 123, отд. III.

- Вильчевский О.Л.* Мукринские курды: (Этногр. очерк) // Переднеазиатский этнографический сборник. М., 1958.
- Зейдлиц Н.* Путешествие вокруг озера Урмия // ВИРГО. 1858, ч. 22, № 3 (отд. 5).
- Минорский В.Ф.* Сведения о населении некоторых пограничных турецко-персидских округов // МИВ. 1915, вып. 2.
- Никитин В.* Курды: Пер. с фр. / Вступ. ст. И.О. Фаризова. М., 1964.
- Орбели И.А.* Фольклор и быт Мокса. М., 1982.
- Сон Э.Б.* О курдах и их стране / С англ. перевел и снабдил примеч. и прил. В.П. Никитин, упр. Рос. вице-консульством в Урмии. Урмия, 1917.
- Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси.* Шараф-наме: Пер., предисл., примеч. и прил. Е.И. Васильевой. Т. I. М., 1967.
- Эйюби К.Р., Смирнова И.А.* Курдский диалект мукри. Л.: Наука, 1968.
- Morgan J. de.* Mission scientifique en Perse. T. 2. P., 1895.
- Wagner M.* Reise nach Persien und dem Lande der Kurden Bd. 2. Lpz., 1852.

Summary

J.S. Musaelyan

On the History of the Kurdish *Mukri* Tribe (first half of the 15th — beginning of the 20th century)

The article is a study of the biggest Kurdish tribe of South-Eastern Kurdistan — the *Mukri*. The tribe inhabits an area on the border between Iran and Iraq where it joins the Turkish frontier, also known as “Mukri Kurdistan.” The genealogy of the Mukri rulers goes back to the Mukriyyih tribe, which was settled in the region of Shahrizoor and was formerly part of the Shahrizoori tribe of *Baban*. Having appeared in the region of Soujbulak (Mahabad) the *Mukri* Kurds formed a tribal federation with the *Bilbas* tribe in the 15th century, expanded the territory they inhabited and consolidated their position. In the 17th–18th centuries there emerged and existed along the border between Iran and the Ottoman Empire a big semi-independent feudal domain of “the *serdar* of Mukri” with its centre in Soujbulak. The article deals with the tribal structure (*serdar* of Mukri, five *families*, *xanzadih*, *bekzadih*, *kurds-ra'yet*), their leaders, the social and economic structure, and traces their economic and political relations. It also contains information about the towns of the tribe, the number of their inhabitants, the description of their houses and clothing and provides some data on their folklore and literature.